

**Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Курский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения и социального развития
Российской Федерации**

С.П. Щавелев

**1150:
юбилей российской государственности.**

**От «призвания варягов» (862)
до основания житийно-летописного города Курска (1032: 980)**

*Актювая речъ в день 77-й годовщины университета
на открытом заседании Учёного совета*

Курск 2012

УДК 94(047)
ББК 63.3(2)
Щ14

Печатается по решению
редакционно-издательского
совета ГБОУ ВПО КГМУ
Минздравсоцразвития России

Щавелев С.П.

1150: юбилей российской государственности. От «призвания варягов» (862) до основания житийно-летописного города Курска (1032: 980): актовая речь в день 77-й годовщины университета на открытом заседании Учёного совета. – Курск: изд-во Курского гос. мед. ун-та, 2012. - 40 с., илл.

Издание отвечает Указу Президента Российской Федерации о праздновании 1150-летия зарождения российской государственности; соответствует объявленному Президентом России Году истории — в 2012 г. наша страна отмечает не только очередную юбилейную годовщину «призвания варягов», но и 200-летие победоносной войны 1812 г. с коалицией европейских держав.

В речит-лекции собраны фактические данные письменных и археологических источников относительно начала отечественной государственности на севере и на юге Древней Руси (IX–XI вв.). Резюмированы внутренние социально-экономические и внешнеполитические обстоятельства рождения нового государства — «империи Рюриковичей»; этапы развития правящей элиты — «руси», её отношения к местному, славянскому и иноплеменному населению.

Особое внимание уделено происхождению летописно-житийного города Курска — столицы Посеймья, который отмечает в 2012 г. свой 980-летний юбилей. Его основание в качестве великокняжеского центра маркировало утверждение Руси на её юго-восточных рубежах с кочевнической Степью. Новые данные археологических раскопок в историческом центре и округе города сопоставлены с авторской трактовкой его первых упоминаний в письменности, прежде всего в «Житии» Феодосия Печерского и в летописи Нестора.

Оформление обложки М.В. Хрулова.

В оформлении обложки использована репродукция картины Виктора Михайловича Васнецова (1848–1926) «Варяги» («Прибытие Рюрика в Ладогу») 1909 г. (Дом-музей художника в Москве).

Также на обложке фотоизображение памятника «Тысячелетие России». Установлен в Новгороде Великом в 1862 г. по велению Александра II в честь тысячелетнего юбилея летописного «призвания варягов» в лице князя Рюрика и его дружины-«руси» в качестве правителей и пограничной стражи по договору с местными славянскими и финскими народами. Расположен напротив Софийского собора (середины XI в.). Авторы монумента: скульпторы Михаил Микешин, Иван Шредер и архитектор Виктор Гартман.

© Текст — С.П. Щавелев, 2012

© Оригинал-макет, оформление — КГМУ, 2012

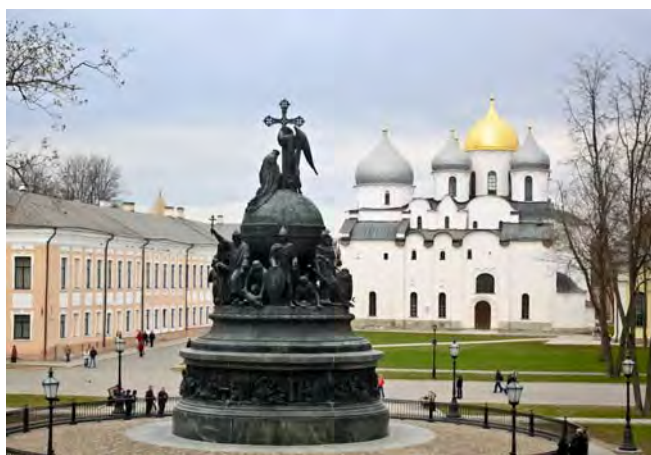
СОДЕРЖАНИЕ

Начало Руси: история юбилея	4
Путь на родину: славяне осваивают Восточную Европу: V–VIII вв.	8
Воинственные соседи: хазары и норманны	13
«Призвание варягов»: условный 862 год	17
«Русь Рюрика»: викинги на востоке Европы. От купцов и пиратов — до княжеской дружины и элиты государства	20
Этнокультурный синтез и его элементы, северные и южные. «Русь Олега Вещего»	22
Экспансия «руси» доходит до юго-восточных территорий. Судьбы Курского Посеймья	24
Имя города Курска: северная этимология	26
Мстислав Владимирович Лютый — основатель княжеского города Курска	30
Облик житийного Курска: детство и юность св. Феодосия Печерского ..	34
Источники и литература	38

Начало Руси: история юбилея

Летописец Нестор под 862 годом своей «Повести временных лет» сообщает о приглашении северными «племенами», славянскими и финскими, в Новгород скандинавов-варягов «из-за моря» во главе с князем Рюриком. Тот стал первым правителем страны, получившей название Руси, а его семейный «род» и дружина составили ядро административного аппарата этого государства.

Почти тысячу лет спустя император Николай I своим указом от 21 августа 1852 г. официально признал 862 год началом российской государственности¹. А ещё через десять лет, 8 сентября 1862 года в Новгороде Великом был торжественно открыт памятник «Тысячелетие России».

Рис. 1. Памятник «Тысячелетие России». Новгород Великий. Справа Софийский собор (1045–1050 гг. постройки) — древнейший сохранившийся храм на территории Восточной Европы. Слева — филармония (бывшее здание присутственных мест). Современный вид.

Его инициатором стал уже император Александр II. При нём, как известно, в нашей стране было отменено крепостное право и проведён целый цикл других великих реформ, прежде всего военная, судебная, земская. Преобразования шли нелегко, вызывали не только одобрение, но и недовольство как «наверху», так и «внизу» общества. Реформаторам требовалась идейная поддержка. Тогда перед древнейшим Софийским собором вознёсся символ преемственности русской истории. Первоначально министр внутренних дел предложил в придворно-самодержавном духе поставить памятник «первому русскому государю Рюрику», но Комитет министров настоял на более широкой трактовке

---

¹ Николай Павлович первым из российских царей обратил пристальное внимание на памятники отечественной истории и культуры, их сохранение, реставрацию; установку памятных знаков выдающимся деятелям и событиям нашего прошлого. См. подробнее: *Высочков Л. Николай I. М., 2008. С. 12–420 («Жизнь замечательных людей», вып. 173).*

Идея этого юбилея, по всей видимости, усвоена императором из знаменитого труда Н.М. Карамзина: «Начало русской истории представляет нам удивительный и едва ли не беспримерный в летописях случай: ... рассеянные племена славянские основали Государство...» (*Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 1. М., 1988. С. 69).*

юбилея. Нужен был «народный памятник тысячелетию Государства Российского, где бы могли быть в барельефах или других изображениях показаны главнейшие события нашей отечественной истории, первым из них, конечно, призвание Рюрика»².

Народ собрал на памятник около 150 тысяч рублей, а государство добавило из своей казны ещё 400 тысяч. В конкурсе участвовало 52 проекта, которые подавались анонимно, под девизами. Конкурсный совет при Академии художеств выбрал сложный и выразительный монумент, чьим автором был художник Михаил Микешин. Помогали ему в декоре столь сложного памятника скульптор Иван Шредер и архитектор Виктор Гартман. Все они — молодые выпускники Императорской Академии художеств.

В торжествах по случаю открытия памятника участвовали члены императорской семьи, а также в полных составах правительство, Сенат, Синод, дипломатический корпус; войска столичного гарнизона; наконец, более 10 тысяч подданных — представителей всех сословий. Торжества длились три дня. Таким образом, тогда вся Россия смотрела вперед, во второе тысячелетие своей истории.

Чтобы по достоинству оценить этот шаг, следует иметь в виду, что вплоть до конца XIX века по всей России имелось всего до 50 монументов, посвящённых историческим лицам и событиям. В самой Москве тогда насчитывалось всего 3 памятника: Минину и Пожарскому, Пушкину, Ломоносову.

Рис. 2. Художник Б.П. Виллевальде. Открытие памятника «Тысячелетие России» 8 сентября 1862 г.

Монумент имеет общую форму огромного колокола. Эта художественная метафора подразумевала, что памятник станет «благовестить потомкам о героическом прошлом России». Верхняя часть сооружения моделирует державу — важнейший атрибут царской власти. Держава декорирована рельефным орнаментом из крестов и опоясана надписью, выполненной славянской вязью: «Совершившемуся тысячелетию царства Российского в благополучное царствование императора Александра II лета 1862». Вокруг державы расположены шесть скульптурных групп из 17 колоссальных фигур, запечатлевших ключевые моменты отечественной истории, начиная с Рюрика (в остроконечном шлеме, с остроконечным щитом; на его плечах — звериная

---

² Памятник тысячелетию Государства Российского в Новгороде. СПб., 1878. С. 5.

шкура; рядом с ним языческий бог Велес; группа обращена на юг, к Киеву). Каждая группа этого яруса ориентирована на ту часть света, где тот или иной государь расширял и укреплял границы державы.

Ниже, на цокольном фризе — горельефы 109 исторических деятелей. Они объединены в четыре группы: просветители народа (31 фигура); государственные деятели (26); военачальники и герои (36); деятели искусства — писатели, композиторы, художники (16 фигур). Идею такого фриза подал сам Александр II. Кое-какие персонажи оказались исключены из первоначального плана (например, Иван Грозный, в своё время разгромивший Новгород; или Тарас Шевченко, поднимавшийся на щит украинскими сепаратистами).

Фундаменты и цоколь выполнены из сердобольского гранита, кладка купола и внутреннее заполнение — из путиловской плиты, тротуар вокруг — из олоневского песчаника.

Всего на памятнике представлено 128 фигур. В их создании принимали участие ещё целый ряд скульпторов и архитекторов, академиков и начинающих специалистов.

Наверху — две фигуры. Ангел с крестом (олицетворяет православную церковь) и коленопреклонённая женщина (Россия).

После революции монумент воспринимался как памятник свергнутому самодержавию и был зашит фанерой и досками. Но в конце концов открыт для обозрения.

Попутно заметим, что монумент едва не был утрачен нами — перед своей эвакуацией из Новгорода немецкие оккупанты распилили его на части и приготовили к вывозу в Германию — уже тянули ветку от железной дороги для погрузки (вес памятника — 10000 тонн, вес бронзового литья — 65,5 тонн). Но успели вывезти только чугунную ограду монумента. Неожиданная для противника атака партизан 20 января 1944 года в тыл фашистам сорвала этот план. По указу Совета народных Комиссаров СССР монумент был восстановлен в прежнем виде уже ко 2 ноября 1944 г. Ограда и фонари вокруг восстановлены к 1978 г.

Рис. 3. Кукрыниксы. Бегство фашистов из Новгорода. 1944 г.

3 марта 2011 г. Президент Российской Федерации Д.А. Медведев подписал указ «О праздновании 1150-летия зарождения российской государственности» — «в целях дальнейшей консолидации российского общества» — в 2012 г. Органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления рекомендовано принять участие в подготовке и проведении празднования.

С учётом предстоящего в этом же 2012 году ещё одного, *200-летнего юбилея* первой в истории нашей страны *Отечественной войны* с Наполеоновской Францией и её многочисленными союзниками — *1812 года* — Президент и Правительство России рекомендовали органам науки, культуры и образования, широкой общественности отметить это знаменательное время как **Год истории**.

Выполняя решения Президента и Правительства, Курский государственный медицинский университет посвящает этому выдающемуся событию актовую речь 2012 года.

Мы благодарны ректорату за оказанную честь и доверие.

Дополнительное обоснование этой нетрадиционной для высшей медицинской школы тематики даёт наш региональный юбилей — *980 лет* с условного момента *основания города Курска* как форпоста русских князей на юго-восточных рубежах «державы Рюриковичей». В своей лекции я постараюсь доказать связь этих событий и этих регионов — северо-западного и юго-восточного. В тексте актовой речи учебный и научно-популярный, так сказать, хрестоматийный материал сочетается с авторскими гипотезами, претендующими на научную новизну применительно к юго-востоку Руси.

Юбилеи исторических событий и персонажей — важная форма сплочения социума, преодоления его внутренних противоречий. Празднование памятных дат манифестирует политические цели властей, заявляет претензии державы на международной арене. Человек по природе своей нуждается в сакрализации некоторых моментов жизни. Не только церковной, но и гражданской, политической. Праздники истории и культуры нации вдохновляют на дальнейшее преодоление житейских проблем, неизбежных коллизий биографии, за которыми указана масштабная цель, у которой осознаны героические примеры из прошлого³.

Вместе с тем нельзя забывать *про условность даты юбилея* для целой страны и даже отдельного города. Во-первых, весьма и весьма относительны первые летописные даты, в том числе и этот самый 862 г. Как полагают многие историки и лингвисты, речь должна идти о событиях примерно середины – третьей четверти IX века.

Рис. 4. В.М. Васнецов. *Варяги (Прибытие Рюрика в Ладогу)*. 1909 г. Дом-музей художника, Москва.

³ См. подробнее: *Касавин И.Т., Щавелёв С.П.* Анализ повседневности. М., 2004. С. 106–118 («Оппозиции-«лигатуры» повседневности. Ритуал. Праздник»).

Во-вторых, возникновение государства — не одномоментный акт, а сложный процесс социального расслоения и организации общества. Отдалённые предпосылки этого процесса относятся ещё к расселению славян с их Дунайской прародины по разным сторонам света, в том числе на восток Европы.

Путь на родину: славяне осваивают Восточную Европу: V–VIII вв.

Глубинные истоки славянской истории и культуры возможно представить только по данным сравнительного языкознания. Славяне по своей речи относятся к индоевропейской семье народов. Эти наречия постепенно отделялись от гипотетически единого праязыка вместе с народами, покидавшими изначальную территорию обитания индоевропейцев (однозначно локализовать которую учёным пока не удалось; их мысль в поисках её движется по просторам между Передней Азией, Южным Уралом и Северным Причерноморьем). Так возникли языки индийские, иранские, романские, германские, балтские, славянские и прочие, им родственные (включая древнеиндийский *санскрит*, на котором и говорили первые индо-арии). На них говорят почти все народы, заселявшие Европу с рубежа неолита (нового каменного века) и эпохи бронзы (около середины II тыс. до н. э.). Их переселение сюда шло несколькими «волнами», с востока (скорее всего из малоазиатской Анатолии) на запад. Они несли с собой передовые по тем временам достижения культуры — развитые отрасли хозяйства (разнопородное скотоводство, плужное земледелие, металлическое вооружение); начала социально-политической иерархии в обществе (воинов, жрецов, рядовых общинников); сложные мифо-религиозные представления (*Веды* — на санскрите *знание*). Жившее по разным сторонам Европы раньше население было уничтожено боевыми колесницами пришельцев-ариев или же смешалось с завоевателями. Представители иных языковых семей удержались только на крайнем севере (финно-угры, уральцы по происхождению) и на самом юге (носители разнотипных кавказских наречий).

Образование славянства определял целый ряд факторов — географических, политических и социально-экономических. Лингвисты с помощью компьютеров сравнили все славянские языки и постарались выделить у них общее словарное ядро. Оказалось, что древнейшие общеславянские слова описывают равнинную лесостепную территорию; с умеренным климатом; реками, озёрами и болотами; удалённую от морей и высоких гор. Сопоставление общеславянской лексики с результатами археологических раскопок указывает на области Центральной Европы, находящиеся в бассейнах Вислы, Одера, затем Дуная и, наконец, Днепра. Территория, на которой складывалось славянство, неоднократно меняла свои очертания, пересекаясь с землями предков иных народов. Соседями будущих славян на западе были

кельты, на северо-западе германцы, на северо-востоке балты, а с юга — фракийцы, затем ираноязычные скифы и сарматы.

Рис. 5. Прародина славян (по данным археологии и лингвистики).

По ходу своего этногенеза эти народы взаимодействовали, обменивались культурными достижениями и соответствующими им языковыми терминами. Например, в славянских языках германизмами являются такие слова, как *князь, хлеб, купить, долг, меч, шлем, котёл, блюдо* и др.; иранизмами *бог, хорошо, топор, собака, лошадь, хата* и др.; почти у всех этих слов есть и собственно славянские кальки: *вождь, жито, всевышний, добро, секира, пёс, миска, конь, дом* и т.д.

Финальный период славянского этногенеза археологи и лингвисты относят к середине I тысячелетия новой эры — концу раннего железного века, началу Средневековья. Тогда на просторах Европы обитали многочисленные племена — общие предки будущих славян и балтов — пруссов, литовцев и латышей. Их языки родственны друг другу. Разделило балто-славянское единство *Великое переселение народов*. Сначала *готы* в III веке новой эры прошли с боями от Прибалтики до Северного Причерноморья, а затем в конце IV века из глубин Азии последовало ещё более мощное нашествие — *гуннов*, которые уничтожили готскую «державу Германариха». Но и Гуннская держава долго не устояла перед внутренними раздорами. Освободившееся после этого пространство между Вислой, Дунаем, Днепром, Уралом и заняли славяне.

Их языковое и культурное единство на окончательных прародинах сменилось обособлением таких ветвей, как южное, западное и восточное славянство. При этом отдельные группы праславян смешивались с аборигенным населением разных уголков Европы. Поэтому, между прочим, у славяноязычных народов столь разнотипная антропология (цвет волос, глаз, телосложение), да и культура.

Античные писатели, описывавшие этнополитическую карту Европы рубежа старой и новой эр, упоминают несколько народов, названия которых историки относят к ранним славянам (*венеты, анты, склавины*). Однако вплоть до середины, а то и третьей четверти I тыс. н. э. затруднительно определить те

или иные *археологические культуры* ⁴ как безусловно славянские. Дело в том, что этничность (начиная с языка) и материальная культура, остатки которой раскапывают археологи, не всегда совпадают. Предки славян могли входить как один из этнических элементов, преобладающий или подчинённый, в такие археологические культуры, сначала поочерёдно, а затем совместно занимавшие юг Восточной Европы с начала I тыс. н. э., каковы *зарубинецкая*, *киевская*, *пражско-корчакская* (склавины?), *пеньковская* (анты?), *колочинская* (венеды?), *волынцевская*. Их объединяют такие признаки, как обряд похорон (трупосожжение); тип жилища (полуземлянки, топившиеся по-чёрному, без дымоходов, печками из глины или камней по углам); комплекс хозяйственного инвентаря (лепная от руки, без гончарного круга баночного типа посуда; железные серпы, топоры, двушипные наконечники стрел, ромбовидные наконечники копий и т.д.); набор престижных украшений костюма, всегда различавшихся у отдельных группировок славян (разного облика фибулы — застёжки для верхней одежды; височные кольца, вплетавшиеся в женскую причёску либо носившиеся в ушах как серьги; прочие подвески).

Рис. 6. Убор славянок «племени» вятичей (по материалам курганных раскопок). Реконструкция О. Фёдорова.

Всюду, куда приходили разные группы славян, они сохраняли этот относительно простой, но вполне функциональный для своей эпохи набор элементов материальной культуры, а затем изменяли, дополняли его за счёт полезных заимствований у предшественников и соседей. Раннеславянские поселения оставались по большей части неукреплёнными — селищами, культурный слой которых невелик и беден находками (сказались частые переселения и войны). Как видно, именно средний уровень благосостояния помог нашим предкам выжить и сохранить свою речь на фоне гибели гораздо

---

⁴ Археологической культурой называют совокупность однотипных памятников далёкой старины (поселений, могильников, святилищ, кладов). Чаще всего они оставлены одним народом, реже — группой родственных либо союзных народов. Названия археологических культур условны — даются по месту первых раскопок либо наиболее типичному памятнику.

более пышных объединений, уничтоженных алчными агрессорами; или же более первобытных соседей, которых славяне сами ассимилировали.

Восточные славяне, в свою очередь, распались на группы, которые историки раньше неточно называли «племенами», либо «союзами племён». Племя, собственно, состоит из нескольких экзогамных *родов* (между которыми заключали браки). В результате долгих, многоэтапных переселений у славян сложились скорее *соплемённости* — более или менее тесные (культурно и политически) объединения семейно-территориальных общин. Их крупные группы отличались друг от друга диалектами общеславянской речи, особенностями костюма, некоторых других проявлений культуры, уровнями социально-политического развития.

Так, на Правобережье Днепра к IX веку сложилась *лука-райковецкая*, а на Левобережье — *роменская* культуры, обе уже бесспорно славянские.

К расселению славян подталкивали особенности их хозяйства — подсечно-огневое земледелие за несколько лет истощало пашню, а отгонное скотоводство — пастбища. Избытку населения приходилось искать новые земли. Там они селились вдоль по течениям рек, их притоков отдельными хуторами, состоящими из нескольких дворов. На возвышенных речных берегах у леса огнём отвоёвывались новые участки для пашни; отыскивались деревья-*борти* с медоносными пчёлами; тропы охотничьих зверей, гнездовья птиц; в речных поймах размещались промысловые уголья — огороды, сенокосы, смолокурни, солеварни, поташные выварки; рыбные ловли; кузнечные, гончарные, ювелирные, косторезные мастерские.

Рис. 7. Славянский посёлок.

Силами десятка-другого таких деревенок выстраивалось их центральное поселение (для археологов теперь — *городище*). В отличие от открытых *селищ* его укрепляли рвом, земляным валом и частоколом из огромных брёвен. Крепость служила общим укрытием на случай военной опасности; в мирных условиях там размещался руководящий округой род. Эти огороженные посёлки летопись именует *градами*.

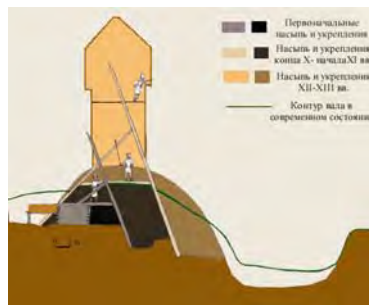

Рис. 8–9. Городище Капыстичи на Сейме. Роменская археологическая культура IX – начала XI вв. Раскопки и реконструкция А.В. Зорина (Курский музей археологии).

Одни из них впоследствии запустели или были разрушены врагами, зато другие превратились в настоящие города отечественного Средневековья (вроде западного Смоленска, южного Киева или, допустим, юго-восточного порубежного Курска).

Таким образом, труд свободных земледельцев, ремесленников и промысловиков, способных прокормить свои семьи, защитить себя и своих близких от любого врага и грозных сил природы, — вот материальная основа культуры и политического развития славян, затем Руси.

Соседями восточных славян на севере оказались финно-угры и те же балты, а на юге потомки ираноязычных сарматов аланы и тоже сателлиты Хазарии болгары; наконец, новые кочевники — тюрки (авары, печенеги, затем надолго половцы).

Рис. 10. Расселение восточных славян накануне образования Руси.

В начале русской летописи уточняется, что на северо-западе, в лесной зоне, по соседству с финнами-чудью разместились чересполосно словене ильменские (вокруг озера Ильменя) и кривичи (потомки легендарного жреца

Крива); на западе — *дулебы* (потом распавшиеся на *волынян* и *бужан*), *дреговичи* (между другими реками — Припятью и Двиной, среди болот-*дрягв*); в середине Поднепровья *древляне* (жившие в лесах-«*деревах*»); *поляне* (на равнинной местности, среди возделанных пашен-полей); на Левобережье Днепра — *северяне* (по Десне, Суле, Сейму; пришедшие сюда, как видно, уже с севера, согласно летописцу «от кривичей», где скудные почвы не могли прокормить избыток мигрантов); *радимичи* (по р. Сожу) и *вятичи* (в Поочье) — потомки легендарных вождей Радима и Вятко, приведших сюда своих сородичей из ареала западных славян, «от ляхов»; южнее, по южным течениям Днестра и Буга — *уличи* и *тиверцы*. Иные же из похожих восточнославянских группировок не пережили вражды с воинственными соседями и покинули свои земли либо остались для потомков безымянными (как, например, носители боршевской культуры в Подонье).

Затем, на рубеже I и II тыс. н. э., в составе Руси все они сложились в древнерусскую народность — общего предка будущих русских, украинцев и белорусов.

Воинственные соседи: хазары и норманны

У части славянских народцев, тех, что оказались в центре Восточной Европы, подальше от иноземных государств, уже появились ранние политические объединения-*княжения*; остальные жили, по выражению иностранных наблюдателей, «*в народоправстве*», а согласно летописцу Нестору, «*сами собой владели*». Политически их объединяло только ополчение вооружённых мужчин на случай войны, да выплата дани более сильным соседям, в чью политическую орбиту они поначалу входили.

Центры восточнославянского политогенеза — зарождения собственной государственности — возникли на периферии более развитых в культурном отношении историко-географических зон.

На северо-западе, в районе Старой Ладogi, Новгорода, Смоленска, Ростова и других будущих городов с середины VIII в. возникает «скандинавская вуаль», судя по типичным археологическим находкам (оружия, украшений, деталей кораблей). Отсюда ясно, что в торговле и военных делах этого региона активное участие принимали *варяги* — выходцы из Швеции, Норвегии, отчасти Дании и островов Балтики.

11. Корабль-дракар.

12. Шлем викинга.

13. Бляшка со стилизованным портретом викинга.

14. Европейские мечи раннего Средневековья.

Рис. 11–14. Образы субкультуры викингов.

Перед нами скандинавы, то есть шведы, норвежцы и датчане. Германоязычные народы. Начиная с конца VIII века их вооружённые отряды стали всё чаще покидать родину и пересекать моря в поисках добычи, славы, приключений. Отважными, даже авантюрными, и беспощадными их сделали природа и история самого северного полуострова Европы. Скучный ландшафт лесотундровой зоны контрастировал с претензиями их племенной верхушки, конунгов (князей обширных земель) и хёвдингов (вождей отдельных кланов), на обладания сокровищами, прочими атрибутами власти. Добывать всё это приходилось на путях далёких странствий.

На западе их называли *норманнами* — людьми с севера; на востоке — *варягами*⁵ (что означало «наёмники», «стражники» — в Константинополе они составляли гвардию византийских императоров; или же синонимично — товарищи, члены одной корпорации). Сами себя они называли *викингами* (от глагола «отплывать, отворачивать в сторону»; «вик» — порт), мореплавателями. Они были и пиратами, и купцами, и воинами-наёмниками — в зависимости от ситуации, куда заносила их бродяжья судьба.

Начав с разграбления отдалённых североевропейских монастырей, викинги на больших быстроходных кораблях-*дракарах* совершали предельно дальние плавания. Они достигали Британии, Франции, Испании, Италии, Северной Африки; открыли и заселили Гренландию (около 874 г.), Исландию (982); первыми из европейцев достигли берегов Северной Америки (около 985–995). Жертвами их агрессии становились такие города Европы, как Лондон и Дублин, Антверпен и Гамбург, Кёльн и Бонн, Париж и Орлеан, Пиза и Генуя, Лиссабон и Севилья.

---

⁵ Русское слово «варежка», вероятно, означало первоначально «варяжская рукавица». Руку в кольчужной рукавице, с оружием, эти воины поднимали, принося клятву верности вождю, нанимателю.

Сравните у Е.М. Винокурова: «Крестились готы. / В водоём до плеч / они входили с видом обречённым. / Но над собой они держали меч, — / чтобы кулак остался некрещённым».

Рис. 15. Похороны знатного руса. Генрих Ипполитович Семирадский (1873–1902). Панно для интерьеров Русского (теперь Государственного) Исторического музея в Москве. 1883 г. По мотивам рассказа арабского дипломата Ибн Фадлана о поездке на Волгу.

Одна из групп скандинавов (преимущественно шведов), что совершали походы на восток Европы, именовалась «*русью*». Учёные спорят о происхождении этого термина. Наиболее убедителен такой перевод, как *ruotsi* — *гребцы, участники похода на гребных судах*. В отличие от морских просторов на западном пути, восточный путь скандинавских северян пролегал по рекам, где чаще, чем под парусом, приходилось идти на вёслах. В таких географических условиях северянам было выгоднее торговать и служить местным предводителям, а не убивать и грабить. Уйти с добычей по Волге или же Северной Двине было мудрено. Поэтому варяги на востоке отличались от западных викингов. Среди славян и их соседей пришельцы составили как бы офицерский корпус у военного ополчения аборигенов. Объединившись с ними, они совершали дальние походы на Византию и на её богатых соседей.

В Среднем Поднепровье, в ареале Киева сказывалось влияние Великой Моравии — раннего славянского государства в Центральной Европе, впитавшего часть культурных традиций и западно-, и восточноримской империй.

На Левобережье Днепра, где разместились летописные северяне, вятичи и радимичи (их археологический коррелят — роменцы), сильнее сказывались культурные традиции степного, кочевого мира, ирано-тюркских объединений. На первый план среди них с VII–VIII веков выдвинулись *хазары* — небольшой, но воинственный народ, возглавивший широкую коалицию разноязычных племён и успешно до поры до времени сдерживавший на Северном Кавказе

экспансию арабов из Халифата. Чтобы сохранить независимость от соседних больших империй, хазары пошли на экзотический шаг — приняли не христианство и не ислам, а иудаизм, то есть ещё одну «религию Писания» (в данном случае — Ветхого завета). Левобережные объединения славян вместе с другими народами стали на время платить дань хазарам.

16. Хазарский всадник.

17. Битва русов с хазарами. По материалам раскопок рисунки-реконструкции О. Фёдорова.

Рис. 16–17. Хазары.

Хотя северная и южная дани воспринимались славянами как тяжёлая повинность, и они копили силы, чтобы от неё избавиться, общение с норманнами и хазарами имело и позитивные стороны. А именно: открылся доступ к международной торговле, взаимно выгодной её участникам. В Европу, бедную месторождениями драгоценных металлов, устремился мощный поток арабских серебряных монет — *дирхемов*. В обмен на эту тогдашнюю валюту восточные купцы получали продукты земледелия (зерно), промыслов (воск, пушнину) и рабов. Клады дирхемов маркируют пути движения купцов и их товаров. А варяги и хазары обеспечивали относительную безопасность на своих участках дальних маршрутов международной торговли. Арабский Халифат — молодое и бурно растущее мусульманское государство — втягивал в себя огромные товарные потоки. Потребность в престижном экспорте автоматически породила потребность в престижном импорте. Арабам и их торговым посредникам остро потребовались восточноевропейские товары, а их торговым партнёрам славянам — престижный импорт (в виде универсального эквивалента — арабского серебра и женских украшений, тоже, как видно, жизненно значимого тогда товара). Вот на таком встречном движении людей и товаров — с севера на юг и обратно — и оказались славяне Восточной Европы и их соседи. В этом силовом поле сотрудничества и соперничества возникла потребность в новом государстве — посреднике между Востоком и Западом.

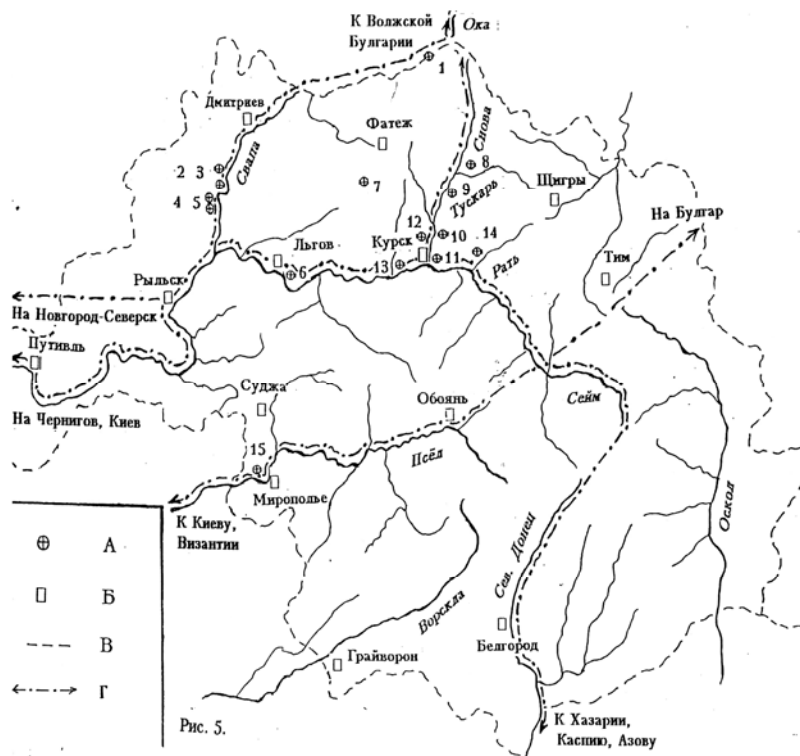

18. Предметы торговли.

19. Весы для монетного серебра.

20. Клады арабского серебра в Курском Посеймье.

Рис. 18–20. На путях международной торговли.

«Призвание варягов»: условный 862 год

В первой сохранившейся русской летописи — «Повести временных лет» — под 862 годом описаны события, которые и получили в истории название «Призвание варягов». «Варяги из [Балтийского] заморья взимали дань с чуди, и со словен, и с мери, и с кривичей. А хазары брали с полян, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке от дыма».

Соседние племена словен новгородских, кривичей и финнов (летописные чюдь, меря и весь) восстали против владычества варягов, прекратили выплату дани и изгнали варягов обратно «за море». Однако после этого перессорились между собой — «восстал род на род».

Рис. 21. Н.К. Перих. Гонец («Восстал род на род»). 1897 г., Третьяковская галерея.

Выход из положения они нашли, собрав *вече* — народное собрание. Решено было послать за море послов, поискать для них всех единого князя с таким призывом: *«Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами, [но уже] по ряду [договору] и судить по праву [установившемуся у нас]»*. На призыв откликнулись трое братьев со своими семьями, родичами и союзниками — Рюрик ⁶, Синеус, Трувор. Сначала они обосновались в Ладоге, а потом Рюрик переместился в Новгород, рядом с которым доньше существует Рюриково городище — бывшая резиденция здешнего князя и его дружины. Синеус занял Белоозеро, а Трувор Изборск — соответственно, «племенные» центры финских соседей и кривичей, заключивших тогда со словенами конфедеративный союз.

Через два года умерли младшие братья Синеус ⁷ и Трувор ⁸. Сосредоточив всю власть в своих руках, старший брат посадил во всех окрестных городах наместниками своих дружинников. Так что его Русь включала в себя такие центры, как Новгород (словене), Полоцк (кривичи), Ростов (меря), Белоозеро (весь), Муром (мурома).

В итоге **Русь Рюрика** объединила население и ресурсы большей части Северо-Запада Восточной Европы.

Может показаться странным, что горсточка «находников», как их называет летописец, то есть пришельцев, основала целое государство, даже в начале своего развития равное по площади среднему европейскому королевству. Однако аналогичных примеров в средневековой истории много. Те же викинги и до, и после Рюрика возглавляли похожие государства:

- Дэнло (область датского права на севере Англии); потом временный захват практически всей Англии датским конунгом Кнутом;
- Дублин (с большей частью Ирландии почти два столетия контролировали скандинавские конунги);
- весь север Франции (получил в 911 г. скандинавский конунг Роллон и стал герцогом Нормандии (норманнской страны));

⁶ Сканд. Hrodrekr или же Rörik.

⁷ Явно славянская калька какого-то скандинавского имени. Сигню?

⁸ Сканд. Truward.

- прямой потомок Роллона Вильгельм в 1066 г. завоевал всю Англию;
- клан Отвилей основал Сицилийское королевство на юге Италии.

Как видно, в более развитых социально-политически землях норманнам просто отдавали часть государства, чтобы из опасных врагов превратить их в союзников. А там, где своего государства ещё не было, северяне помогали местной верхушке его создать.

Конечно, не везде викинги смогли закрепиться. Откуда-то они или вынуждены были уйти (как из Северной Америки — победить бесчисленных индейцев без огнестрельного оружия было нереально); или превратились в относительно мирных жителей (как в необитаемых до них суровых краях Гренландии, Исландии — там их противниками стали холода да вулканы).

Сравнение объектов скандинавской экспансии показывает, что создать государство, стать его военно-политической элитой скандинавы сумели там, где для этого уже сложились внутренние предпосылки:

- социально-экономическая *стратификация общества* (деление на вождей, их окружение и на рядовых общинников);

- устойчивый *прибавочный продукт* материального производства (у славян это прежде всего зерно и продукты разных промыслов);

в результате чего

- появилась потребность и возможность *участвовать во внешней, буквально межконтинентальной торговле*, которая позволяла форсировать внутренние социально-экономические и политические процессы.

Все эти факторы имелись у северных славян и их соседей славян и их союзников.

Так что варяги основали Русь потому, что местный социум был готов принять их помощь. Более того, стороны оказались нужны друг другу в равной степени. Аборигены не могли дальше развивать торговые связи и военные операции (в то время тесно связанные между собой) без технического, информационного опыта варягов, их бесстрашного менталитета. Варяги, в свою очередь, нуждались в людских и денежных ресурсах больших земель, чтобы продолжить свою экспансию на широких просторах континента. Так что славяне в той же самой степени «призвали варягов», как варяги «призвали славян» в помощники и союзники.

Похожие процессы шли на юге восточнославянского ареала. Во второй половине VIII века здесь располагался широкий ареал так называемой *волынцевской археологической культуры*. Она признана археологами славянской в своей основе, но с повсеместными вкраплениями вещей *салтовской культуры* — ведущей культуры Хазарского каганата. Предполагается, что гарнизоны хазарских воинов располагались на землях славян или посещали их периодически ради контроля за выплатой дани. А с началом IX в. следы хазарского присутствия здесь исчезают. Как видно, местная славянская верхушка получила право самой собирать дань с рядовых общинников и делиться ею с хазарами. Между этими народами возникает своего рода пограничье — славяне строят множество укрепленных посёлков на высоких речных мысах, а хазары южнее — цепочку крепостей из белого камня-мергеля. Опыт общения с южными соседями, более развитыми в военном и

религиозном отношении, отсрочил покорение левобережных славян агрессорами с севера.

«Русь Рюрика»: викинги на востоке Европы. От купцов и пиратов — до княжеской дружины и элиты государства

Археологи открыли ещё несколько торгово-ремесленных и военных центров проживания выходцев из Скандинавии на просторах Восточной Европы. Это Гнёздово под Смоленском на Верхнем Днепре; Сарское, Тимерёвское, Михайловское городища в Поволжье, в земле мерян; Шестовица на Десне под Черниговом; др. В этих посёлках выходцы с севера жили семьями, с женщинами и детьми; занимались ремеслами и торговлей; обслуживали караваны купцов и паломников; нанимались к местным предводителям в качестве вооружённой охраны.

Удельный вес пришельцев в местной, преимущественно славянской среде был невелик, но они выступали носителями более сложной культуры и обладали соответствующим менталитетом — первооткрывателей, авантюристов, лидеров. Вооружённый каролингским мечом, секирой, боевым ножом для левой руки (скрамасаксом) и копьём с ланцетовидным наконечником⁹; украшенный шейной гривной с подвешенными к ней «молоточками Тора», ручными браслетами и перстнями из бронзы и серебра; снаряжённый маленькими весами для драгоценных металлов и камней, шкатулкой и кошельком для их хранения; инструментом для ремонта ладьи и конской сбруи — таков внешний облик руса, восстанавливаемый археологами по находкам с их поселений и из могил.

22. Варяжский всадник.

23. Знатный дружинник из черниговского кургана Гульбище. X в.
Художник О. Фёдоров,
консультант-реконструктор С. Каинов.

---

⁹ Оружие всегда выдаёт разницу культур. Ромбовидные наконечники стрел и копий у славян были рассчитаны на серьёзную рану поражённого ими врага. «Ланцет» скандинавов — на многократное поражение заведомо слабейших жертв их нападений. То есть славяне в битве хотели выжить, а скандинавы — как можно больше убить врагов.

24. Варяжские предводители X в. на Руси. С учётом материалов кургана Чёрная могила в Чернигове. Художник Н. Зубков.

Рис. 22–24. Варяжские воины на Руси.

Среди варяжских группировок новгородская «русь» оказалась самой дальновидной, настойчивой и удачливой. Со временем она прибрала к рукам остальные территории Восточной Европы, физически уничтожив местную элиту, как славянскую, так и скандинавскую. И как показал последующий ход событий при первых трёх русских князьях, постепенное объединение под их властью славян и их соседей послужило промежуточным политическим ходом, плацдармом для броска на Византию с её восточного тыла.

Сначала Рюрик послал на юг своего рода разведку — двух «мужей», то есть старших дружинников, бояр — Аскольда¹⁰ и Дира¹¹ с их людьми. Те отпросились у него в византийский Царьград, где торговали и служили в армии уже несколько поколений норманнов. Однако до Константинополя представители Рюрика не дошли, а остановились на половине Днепровского пути, в Киеве, тогда центре самого маленького восточнославянского объединения полян. Здесь повторилась история с Ладогой и Новгородом: Аскольд и Дир наняли побольше северных воинов и возглавили землю полян. На свой страх и риск они совершили всё же поход на греков: в 860 (866 летописном) году осаждали Константинополь, ограбили его окрестности, но буря, разметавшая их флот из двухсот кораблей, заставила их повернуть назад.

Под 879 годом летописец сообщает о смерти Рюрика в Новгороде. Поскольку его сын Игорь оставался маленьким ребёнком, Рюрик передал власть Олегу, «своему родичу», согласно «Повести временных лет», или же «воеводе», по Новгородской первой летописи. Эти определения, впрочем, не исключают, а предполагают друг друга. Олег вскоре собрал армию из ополчения всех союзных ему народов, включая, разумеется, варягов — своего рода офицерский корпус для местных ратников. С этим войском он отправился вниз по Днепру, покоря попутные города (начиная со Смоленска, Любеча) и оставляя в них своих «мужей».

¹⁰ Сканд. Hoöskuldr.

¹¹ Сканд. Diuri; в переводе Толкиена — Дьюрин.

Этнокультурный синтез и его элементы, северные и южные. «Русь Олега Вещего»

Прибыв в Киев, Олег в лучших викингских традициях устранил Аскольда и Дира. Чтобы выманить их из-за стен крепости, он назвался купцом, их родичем, а когда правители лично явились за пошлиной и подарками, приказал выскочившим из кораблей дружинникам убить самозванцев: «*Не князя вы и не княжеского рода, но я княжеского рода, а это сын Рюрика*». Если вспомнить, зачем тот посылал их в поход, то у расправы появляется вполне законное с точки зрения военного положения основание: самовольное невыполнение боевого задания.

Рис. 25. Князя Олег и Игорь. И. Глазунов. 1973 г., Третьяковская галерея.

Так на карте Европы появилась **вторая Русь** — **Олега**, заслужившего в летописной традиции прозвание Вещего, то есть провидца¹². Своей столицей он выбрал Киев, предрекая ему: «Да будет это мать городам русским» (по-гречески метрополия).

С тех пор у Олега и его непосредственных преемников на киевском престоле было два направления внешней и одно внутренней политики:

- проторить стратегический *путь «из варяг в греки»* — от Балтики, по речным магистралям, с отдельными сухопутными волоками, вплоть до Чёрного моря и средиземноморских проливов, которые контролировал Царьград;
- *покорить* одно за другим *соседние «племена»*, включить их в состав новой Руси;
- *установить* новый, вполне *государственный порядок* на своих территориях — сначала, при Олеге, «ставить города и устанавливать дани», затем развить военную, финансовую, судебную системы тут и там.

Все эти задачи выглядят взаимосвязанными: идти войной на всё ещё могущественную Византию можно было, только усилившись войском и

---

¹² Скандинавское «Helgi» означало «Святой». Из этого имени летопись сохранила одну функцию — предвидения будущего. В данном контексте — судеб Киевской Руси. Но чтобы урезонить роль князя-язычника, летописец передал ещё версию гибели Олега от его любимого боевого коня (в чьём черепе гнездилась змея, ужалившая этого ветерана битв и походов). Этот сюжет, на первый взгляд легендарный, подтверждается скандинавской сагой об Одде Стреле, погибшем именно таким образом на востоке, в Гардах, то есть на Руси.

ресурсами, собранными с обширных территорий. А заинтересовать своих славянских и прочих союзников могла лишь перспектива сказочного обогащения в таком рискованном походе.

Он состоялся в 907 г. и закончился куда успешнее предыдущего похода Аскольда и Дира. Куда больший по размерам флот Олега осадил Константинополь, и прятавшиеся там соправители Лев VI и Александр предпочли заплатить большой выкуп русам и их союзникам. Первая цель похода — обогащение — была достигнута. А в 912 летописном году Олег развил успех и заключил с Византией договор, регулирующий выгодные для русских условия торговли, службы в Царьграде, выкупа пленных и т.п. вопросы. В знак победы Олег прибил свой щит на крепостные ворота.

Эти события демонстрируют нам конечный результат проекта Рюрика и тех, кто пригласил его на княжение. Судя по тому, как развивались события на стыке IX и X веков, вряд ли Рюрик и пригласившие его на правление народы ограничивались локальными целями наведения порядка и охраны границы у себя на северо-западе. Они уже познакомились с фантастическими возможностями международной торговли, знали сильные и слабые места соседних государств, прежде всего Византии. Как видно, они мечтали об «ограблении века», если пользоваться современной терминологией. Огрубляя, но и проясняя ситуацию, можно сравнить атаку на Царьград с сюжетом голливудских фильмов типа «Миссия невыполнима» или «Сколько-то там друзей Оушена». Не какой-нибудь заурядный банк, а, допустим, Форт Нокс с общегосударственной казной. Западная Европа к X веку уже была поделена между своими королями и герцогами, и викинги урвали там всё что могли. На Западе Рюрику было тесно, и он обратил свой взор на Восток Европы. Пусть не он сам, но его непосредственный преемник Олег захватил куда большую страну, чем любой из викингов на Западном их пути.

Сам Олег успел повоевать с древлянами и северянами, то есть ближайшими (и сильнейшими) соседями Киева с запада и востока, и наложить на них дань. Попытка же покорить более отдалённых уличей и тиверцев тогда успехом не увенчалась.

Таким образом, Русь как страна и государство явилась результатом межкультурного синтеза, объединения, где количественно максимальное население составили славяне и их иноплеменные соседи, а качественно необходимую присадку образцов военного дела, дальней торговли и сложных ремёсел привнесли скандинавы. Впрочем, эти последние довольно скоро по историческим меркам, за два-три поколения ославянились, путём межплеменных браков смешались с местным населением. Сын князя Игоря Старого (то есть всего лишь внук Рюрика) носит уже славянское имя Святослава.

К X в. роль скандинавов на востоке Европы меняется. Варяги появляются здесь только в качестве воинов-наёмников. Князья и воеводы Руси нанимают их отряды на время военного похода, войны друг с другом, а после завершения военных действий вознаграждают и стараются отправить куда подальше.

Экспансия «руси» до юго-восточных территорий. Судьбы Курского Посеймья

Вскоре после заключения мирного договора с греками Олег умирает. Сказочный мотив его гибели от укуса змеи находит полное соответствие в одной из скандинавских саг — об Одде по прозвищу Стрела. Киевским князем наконец становится Игорь. По закону тогдашней политики он должен был повторить атаку на Византию, чтобы заставить греков продлить завоёванные ранее преференции. Экспедиция 941 года не принесла ему успеха — византийская армия обратила в бегство русско-славянские войска. Повторный поход 944 года оказался удачнее: греки на сей раз предпочли откупиться, и русские получив откуп, вернулись восвояси. В следующем, 945 году византийские послы заключили с Игорем новый мирный договор. Его скрепили клятвами обе стороны, причём среди русских одни сделали это по-христиански, а другие по-язычески.

Дальнейшие события на Руси хорошо известны: гибель Игоря в полюдьбе в земле древлян; месть его вдовы Ольги; её законотворческая деятельность на уже завоёванных Киевом славянских землях; принятие ею крещения в Константинополе; бурная военная деятельность «последнего викинга» на востоке Святослава Игоревича; его страшная гибель в засаде, устроенной по наущению греков новыми кочевыми соседями Руси печенегами; первая междоусобная война наследников киевского трона, в которой гибнут старшие наследники Олег и Ярополк, а побеждает младший Владимир.

Именно в годы его правления в полной мере раскрывается весь исторический потенциал того проекта, который условно называется «призвание варягов». Расширяются пределы Киевской державы; её столица окружается несколькими линиями обороны — городами-крепостями в поречьях Десны, Остёра, Трубежа, Суллы, Стугны. Владимировы сыновья получают собственные княжеские «стола» в Новгороде, Полоцке, Турове, Ростове, Муроме и в отдалённой Тмутаракани (Таманский перешеек между Чёрным и Азовским морями).

Византия вынуждена пойти на главную, стратегическую уступку молодой соседней державе: после ряда дипломатических манёвров и проволочек, греки санкционируют крещение Руси и признают её законной частью православного мира. Этот исторический шаг — выбор веры — означал переворот в славяно-русской культуре. Вместе с христианством на Русь пришли письменность и книжность, каменное зодчество, школьное образование, иконопись и церковная музыка, то есть какая-то часть античного наследия.

Разумеется, начавшись на исходе X века, христианизация Восточной Европы шла постепенно и противоречиво. На окраинах страны языческая погребальная обрядность — курганы — сохранялись вплоть до XII, а кое-где и до XIII веков. Борьба с остатками язычества то и дело приобретала военные формы. Самых яростных противников приходилось крестить буквально огнём и

мечом. Языческих шаманов — летописных *волхвов* приходилось уничтожать физически.

Вот яркий эпизод за 1071 г. из «Повести временных лет»: «... Волхв объявился и при [князе] Глебе ¹³ в Новгороде; говорил людям, притворяясь богом, и многих обманул, чуть не весь город, говорил ведь: «Предвижу всё» и, хуля веру христианскую, уверял, что «перейду по Волхову перед всем народом». И была смута в городе, и все поверили ему и хотели погубить епископа. Епископ же взял крест в руки и надел облачение, встал и сказал: «Кто хочет верить волхву, пусть идёт за ним, кто же верует Богу, пусть ко кресту идёт». И разделились люди надвое: князь Глеб и дружина его пошли и стали около епископа, а люди все пошли к волхву. И началась смута великая между ними. Глеб же взял топор под плащ, подошёл к волхву и спросил: «Знаешь ли, что завтра случится и что сегодня до вечера?» Тот ответил: «Знаю всё». И сказал Глеб: «А знаешь ли, что будет с тобой сегодня?» — «Чудеса великие сотворю», — сказал [тот]. Глеб же, вынув топор, разрубил волхва, и пал он мёртв, и люди разошлись» ¹⁴.

Рис. 26. Поединок князя Глеба с волхвом. С. В. Иванов (1864—1910), 1903 г.

Напомним, что этот инцидент произошёл через лет сто после официального крещения Новгорода, когда в нём была учреждена епископская кафедра и построен Софийский собор. Будоражащих народ волхвов публично сожгли в Новгороде ещё в XIII веке — в 1227 году, согласно Новгородской первой летописи.

Дольше других сохраняли автономию от Киева народы Левобережья Днепра. Их завоевание русскими армиями растянулось до начала XI века. Выплачивая дань Киеву, принимая участие в тех или иных его военно-политических акциях, северяне, вятичи и радимичи стремились сохранить какую-то часть независимости. Выгоды международной торговли им не хотелось уступать соседям, пусть даже таким грозным, как Русь. Старинные связи со степными кочевниками, более обширные территории, чем у ближних

¹³ Глеб Святославич — сын Святослава Ярославича, внук Ярослава Мудрого. Княжил в Тьмутаракани до 1068 г., а с 1069 г. — в Новгороде.

¹⁴ Повесть временных лет. СПб., 2007. С. 215–216.

соседей Киева, позволяли носителям роменской археологической культуры балансировать в отношениях и с Владимиром, и, поначалу, с его наследниками.

Судя по археологическим материалам, сначала к Киеву примкнуло Подесенье, район Чернигова и Новгорода-Северского, а Посеймье от Путивля до Курска и Рыльска с их округами оставались последним оплотом северянской самостоятельности. Так что именно покорением этого района и основанием Курска как его новой столицы завершилась почти двухвековая экспансия Руси на просторах Восточной Европы. Что и позволяет нам здесь рассматривать вместе не только общегосударственный юбилей «призвания варягов», но и на первый взгляд локальную годовщину — 980-летия упоминания города Курска в письменности.

Имя города Курска: северная этимология

С точки зрения исторической лингвистики и топонимики название Курска полностью отвечает двум общим принципам. Во-первых, наш город входит в большую группу русских поселений, названных по близлежащему водному потоку (Москва — на Москве-реке; Минск — на Менке, Псков — Пскове; Витебск — на Витьбе; Полоцк — на Полоте; и т.д.). Действует *закон первичности гидронимии по сравнению с топонимией*: сначала называли реку, а потом на её берегах строили город. В нашем случае это речушка Кур, приток Тускари, притока Сейма.

Во-вторых, название поселения образовано с помощью форманта (суффикса) *-ск*, который чаще всего маркирует не деревни или сёла, а именно укрепленные поселения — города, причём в средневековые времена — княжеской принадлежности, подвластности. Топонимисты отмечают, что этот суффикс маркирует самые ранние на Руси — её северные городские центры, а отсюда распространяется на другие регионы. На севере это упоминаемые письменными источниками уже за вторую половину IX в. Полоцк (древнерус. Полтеск), Смоленск, Изборск и, несколько позднее, Псков (Плесков). А вот в Посеймье этот формант — «-скъ» заметно редок и присущ лишь самым древним и крупным городским центрам — Курску да Рыльску, которые на как минимум столетний порядок (а то и больше) моложе отмеченных только что центров северо-запада. Рыльск, кстати, в свою очередь, стоит на устье речки Рыло, притока Сейма, тем самым лишней раз подтверждая гидро-урбонимную семантику окончания своего имени.

Таким образом, «перевод» имени нашего города таков: *город, основанный по воле (киевских) князей на речке Куре*.

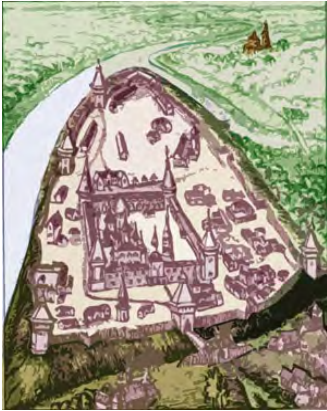

Рис. 27-28. Курское городище. План и макет. Из экспозиции Курского областного музея археологии.

Почему среди многих мысовых городищ славянского Посеймья Русь после победы над местными северянами выбрала именно стык Кура и Тускари для создания своего опорного пункта в регионе, сказать пока трудно. Проведённые до сих пор раскопки не дают возможности уточнить статус этого городища, то ли рядового, то ли своего рода столичного, центрального для языческого Посеймья.

Таким образом, вопрос сводится к расшифровке гидронима — Кура. В исторической и краеведческой литературе накопилось несколько вариантов его этимологии. Привлекаются разные языки, оставившие свой след на географической карте Восточной Европы. А именно, *балтские* («куру» — ущелье, борозда); *иранские* (перс. «khuros» — «петух»); *тюркские* («кур» — «устраивать, сооружать», в том числе стену, вал, поселение); *славянские* («кур» — «прах, пыль» или же «дым» (летописный синоним отапливаемого жилища), либо тот же «петух»).

Все перечисленные версии в принципе допустимы, поскольку носители соответствующих языков поочерёдно занимали определённые участки Посеймья (балты, славяне), в древнерусскую эпоху ставшего Курским, или (как ираноязычные сарматы, затем аланы; наконец, тюрки) примыкали к нему с юга. Однако и сколько-нибудь развёрнутой аргументации ни одна из этих этимологий не поддавалась. Поэтому все они мало отличаются от наивных транскрипций имени города в народной молве, благодаря которой на его гербе Нового времени воспарили куропатки.

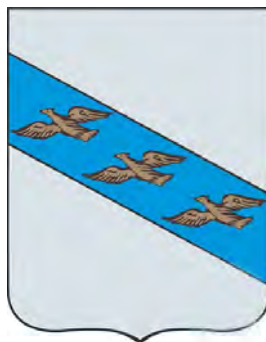

Рис. 29. Герб Курской области.

К тому же весьма смутно представляется порядок заимствования безусловно славянскими первостроителями укрепления рубежа I и II тыс. н. э. над Куром названия для своего поселения у чуждых им по языку этносов, достаточно удалённых во времени и географическом пространстве от момента зарождения здесь древнерусского города.

Что касается самих славян, то назвать мелкую речку по многочисленным дымам жилых построек на одном из участков её берега они как первопоселенцы здесь (т.е., по идее, строители и жители этих же жилищ-«дымов») вряд ли могли.

Гораздо более убедительной выглядит, на мой взгляд, ещё одна *гипотеза* на сей счёт, предложенная *А.И. Яценко*. Тот извлёк из словаря древнерусского языка слово «курья» — речной залив, затон, заводь, и предположил, что посеймский Кур назван усечённой формой этого слова. Оно, добавлю, оказалось довольно рано, в начале колонизации Европейского Севера пришедшими сюда славянами, заимствовано ими из аборигенных там — финно-угорских языков. «Kurja» значит на них «маленькая речка», «протока», «старое русло-заводь», «глухой рукав» водоёма.

Топонимы — названия рек, поселений — с основой на «кур» массово встречаются только на северо-западе Восточной Европы — на территории Новгородской земли и соседних с ней районов. География распространения и характер использования в словотворчестве топонимов с основой на «кур» вполне удовлетворяют всем разработанным лингвистами критериям для наиболее ранних славянских пластов восточноевропейской топонимики. Среди этих признаков:

- повторяемость топонима в разных регионах расселения славян; в случае с Куром / Курском — на юге и на севере Восточной Европы (у Курска на Тускари, как и у некоторых других старинных русских городов, имеется географический двойник — средневековый город Курск на р. Ловати, ныне Курское городище); а также на западе — в Познанском округе Польши имеется местечко Kursko);

- наличие вариантов топонима в отдельных славянских землях (см. упоминание таких аналогов имён Кура / Курска выше и ниже);

- совпадения не только отдельно взятых названий, но и парных, дублетных топонимов (у северного Курска это село Ратно, центр Ратновского погоста Новгородчины, а у южного Курска — Ратское городище на р. Рати, притоке Сейма — предположительно средневековый городок Ратно или же Ратун; затем на севере поселение Липно при впадении р. Мсты в о. Ильмень, а на юге — Липинская пустынь (монастырь) на Сейме, недалеко от нынешнего Курчатова, ныне с. Липино Октябрьского района).

На севере топонимов с основой на «кур» во много десятков раз больше, чем на юге; там, на севере, они раньше и обильнее перешли в гидро- и ойконимику мелкого масштаба (ручьи, починки, деревушки); издавна до сих пор адекватно понимались населением: «кур, куры — водное рыбное угодьё», согласно терминологии ранних новгородских летописей.

Здесь же, на юго-востоке славянского расселения обсуждаемые лингвистические явления безусловно вторичны. Ведь посеймские гидронимы «курского» корня крайне малочисленны; причём все они явно производны от перво-Курска на Куре; относятся к гораздо более позднему времени, нежели древнерусское. Это всего четыре речки: Курёнка и Курицы — Большая, Малая и Гнилая. Последнее определение лишней раз подчёркивает непонимание населением юга первоначального смысла основы «кур», этимологизированной здешним народом в доступной ему — орнитологической форме (птицы семейства куриных) и дополнительно искажённой путём тавтологии (ибо в южнорусских говорах гидроним «гнилой» означает то же самое, что на севере «курья», «кур» — незначительный, пересыхающий в жару и потому дурно пахнущий поток).

Анализ исторической географии древнего Курска приводит к убедительному выводу, что название города возникло не здесь, а на Северо-Западе формирующейся Руси и оттуда было перенесено на её же юго-восточные рубежи. По-видимому, в основании первоначального Курска руководящую роль играли северные жители. Такая процедура — переселение дружинников (по-летописному «мужей лучших») из ранее освоенных княжеской властью регионов на недавно завоёванные края державы была в обычае у князей-рюриковичей.

«Топонимическая трансплантация» (В.П. Нерознак) вообще не редкость для древнерусской истории. Особенно впечатляют три города Переяславля (Русский, Залесский и Рязанский), расположенные на трёх реках почему-то с одинаковым же названием — Трубуж, но, соответственно, в южной, северной и восточной Руси.

Ладожско-Новгородские земли, в особенности южное Приильменье, откуда по всей вероятности происходят топонимы «курского» звучания и связанные с ними, как раз и представляли собой зону стыка словен, кривичей и аборигенов финно-угров (летописной «чуди»). Именно своего рода конфедерация этих трёх «племён», возглавленная приглашёнными на договорных условиях скандинавами, послужила, как известно, первым и наиболее постоянным оплотом дальнейшего развития Русского государства, которое постепенно поглотило и Посеймье. Ещё раньше своих градостроительных мероприятий, именно с помощью тех же северных воинов — «варягов, словен, чуди и кривичей» Владимир I в 980 г. разгромил полоцкого князя Рогволода, а вслед за тем и брата Ярополка в Киеве. Наконец, подавив тогда же попытку нанятых им варягов обложить данью сам Киев, захваченный с их помощью, он часть из них отпустил искать счастья в Царьграде, а самых «добрых, умных и храбрых» из варяжских мужей «расселил по разным местам» своей страны, «раздав им города» в управление. И, наверное, выделив дружинное подкрепление передоверенной наместникам власти, скорее всего, из упомянутого контингента разноплеменных северных воинов.

Важной предпосылкой этнокультурного самоопределения Курского Посеймья в северянскую эпоху его истории послужили разнообразные — торгово-миграционно-политические контакты с областью Верхнего

Поднепровья и, далее, Новгородским Севером формирующейся, в свою очередь, Руси. Название летописного города Курска восходит, скорее всего, к некоторым северным диалектизмам древнерусского языка и могло первоначально означать пункт сбора таможенных пошлин и иных даней (т.е. *кура*) на торном отрезке путей международной торговли, основанный на маленьком притоке (*курье*) большей реки, связывающей (наряду с другими водными артериями Восточной Европы) в IX–X вв. Днепровскую речную систему с Донской и с Окско-Волжской, т.е. в конечном счёте Балтику с Каспием, Приазовьем и Черноморьем.

Так что *исторический контекст движения северо-западной топонимики на юго-восток* формирующейся Руси просматривается вполне отчётливо.

Мстислав Владимирович Лютый¹⁵ — основатель княжеского города Курска

В краеведческой и исторической литературе преобладает предположение об основании Курска под конец X века при Владимире I Святославиче (? – 1015). Якобы, «чтобы защитить своё государство от многочисленных врагов, Владимир послал своих людей закладывать пограничные крепости по р. Сейм[у]». На самом деле в этом летописном эпизоде за 988 г. фигурируют другие реки, самая восточная из которых Десна. Такого рода утверждения продиктованы наивным стремлением удревить возраст города, искусственно подтянуть его к «заветному» сегодня тысячелетию. Выхваченные из летописного контекста сообщения о военно-политической активности крестителя Руси произвольно распространяются на слишком отдалённый от его столицы район Посеймья. Владимиру I в итоге его правления едва удалось отстоять от печенегов район Киева — «Русь» в первоначальном его значении. В Полоцке (до 980 г.) и в Турове (примерно до 988 г.), а в Чернигове вплоть до конца X в. (когда там была воздвигнута Чёрная могила) явно «сидели» альтернативные Рюриковичам варяжские династы. Левобережные северяне, одним из центров которых выступал район будущего Курска, в качестве объектов киевской агрессии при Владимире не упоминаются. Те соседние с ними объединения (вроде вятичей или радимичей), которые киевским князьям удалось к тому времени принудить к выплате дани, сохраняли известную автономию вплоть до XII в. Индикатором такой независимости выступает их упоминания летописью как народов (а не просто географических мест их прежнего проживания). Европейский посол к печенегам епископ Бруно Квертфуртский в 1006 (или 1007) г. достиг «змиевых валов» на границе «державы Владимира» километрах в ста от Киева. Сеймская цепочка укреплений никак тогда не стыковалась с посольской линией киевской обороны от кочевников. Ни один из 12 владимировых сыновей не получил по завещанию

---

¹⁵ Прозвище «Лютый» дали Мстиславу монахи Киево-Печерского монастыря. Как видно, они рассматривали этого энергичного претендента на киевский престол как захватчика.

отца владения на всём огромном Левобережье! Тот факт, что «деревя» как этнополитоним исчезают из летописи именно при Владимире, а «Север», «северяне» фигурируют ещё при его наследниках Мстиславе и Ярославле, ясно указывает на действительный финал этого последнего объединения.

Так что считать Курск с округой уже в конце X – самом начале XI вв. частью «Русской земли» (в любом смысле этого геополитонима), на мой взгляд, преждевременно.

Первое письменное упоминание этого города — в «Жития» Феодосия Печерского — *относится к началу 1030-х гг.*¹⁶. Причём Курск представлен там уже как полноценный центр древнерусского типа. Отсюда логично предположить, что момент его строительства приходится как минимум на 5–10 лет ранее. Получается как раз конец правления Владимира Святого и начало междоусобной войны его сыновей за власть над Русью.

Последовавшая накануне и после смерти крестителя Руси яростная схватка его наследников вряд ли оставляла им возможность думать о контроле над дальним северянским Левобережьем. На территории собственно Русской земли тогда полыхали экстраординарные политические страсти: физическое устранение Святополком (или Ярославом?) более популярных среди киевлян Бориса, Глеба и Святослава (1015); война между Святополком и Ярославом, в которой участвовали и поляки, и киевская дружина-«русь», и пришлые наёмники-варяги, и словене, и новгородцы, и печенеги (1016–1018); затем отражение Ярославом набега на Новгород Брючислава (1021).

Всё это время Лебережье оставалось, как видно, практически независимым. Вряд ли на северян распространялась хотя бы номинальная власть второго по возрасту на тот момент Владимиров сына Мстислава, копившего в далёкой Тьмутаракани¹⁷ силы для броска на Киев. Только усилившись после победы над кавказскими народами касожской данью и воинской силой, он смог в следующем, 1023 г. пойти на Ярослава уже «с хазарами и касогами»¹⁸ в качестве весомого дополнения к собственной дружине. Северяне в составе его войска пока не упомянуты, что может свидетельствовать об их временном нейтралитете при дележе политического наследства Владимира.

---

¹⁶ См. соответствующие расчёты: *Щавелёв С.П.* Историческое «уравнение с двумя неизвестными»: когда родился Феодосий Печерский и сколько лет прожил он на Курской земле? // *Городские известия*. Курск. 1994. 17 мая; *Его же*. Возраст личности и история общества: новое прочтение курской биографии Феодосия Печерского // *Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья*. М. – Курск, 1994.

¹⁷ Этот самый южный анклав Руси располагался в районе Керченского пролива.

¹⁸ Как полагают историки и лингвисты, летописные *касоги* — предки современных черкесов, а летописные *ясы* — осетин.

Рис. 30. Князь Мстислав на поле битвы при Листвене.

В 1024 г. происходит решающая битва сильнейших князей-Владимировичей при селе Листвене, где, наконец, на летописную сцену снова выходят северяне. Они только что приняли Мстислава на Черниговском столе, после отказа киевлян иметь такого князя у себя вместо бежавшего в Новгород Ярослава. Войско северян тут же оказалось цинично принесено Мстиславом в жертву своей военно-политической тактике: накануне сражения он «поставил северян прямо против варягов, а сам стал с дружиной своею по обеим сторонам [что напоминает заградительный отряд — С.Щ.]. И наступила ночь, была тьма, молния, гром и дождь. И сказал Мстислав дружине своей: «Пойдём на них». И пошли Мстислав и Ярослав друг на друга, и схватилась дружина северян с варягами, и трудились варяги, рубя северян, и затем двинулся Мстислав с дружиной своей и стал рубить варягов. И была сеча ... сильна и страшна. ... И когда увидел Ярослав, что терпит поражение, побежал с Якуном, князем варяжским ... Мстислав же чуть свет, увидев лежащими посечённых своих северян и Ярославовых варягов, сказал: «Кто тому не рад? Вот лежит северянин, а вот варяг, а своя дружина цела».

За нарисованной летописцем живописной картиной Лиственской битвы просматривается особый статус северян в орбите Киевской державы, который они, по всей видимости, сохраняли всю первую четверть XI в. Если посчитать северян полностью подчинёнными Мстиславу по завещанию Владимира, то радость тьмутараканского князя по поводу гибели всего северянского ополчения — части его собственного войска выглядит непонятной. Радоваться в той ситуации можно было только устранению или ослаблению соперника или, по крайней мере, нейтрала в кровавой борьбе Рюриковичей за киевский стол. Мстиславу, скорее всего, удалось увлечь северянскую дружину перспективой посчитаться с их старым соперником — Киевом, обещаниями закрепить их автономию в том случае, если он вырвет верховную власть у Ярослава. Подставив же вооружённые силы «Севера» под удар подобного же «иностранныго легиона», только Ярославова, тьмутараканский князь добивался сразу нескольких выгод: сохранял свою собственную дружину для дальнейшей борьбы за Киев и подрывал способность Левобережья противоречить его решениям, закреплял обезоруженное по сути Посеймье за собой — победителем.

Вряд ли случайно перед нами последнее упоминание северян (как народа) в летописи. Попав из огня киевской дани и угрозы полной потери автономии в

полымя Мстиславова вероломства, объединение «Север», и так изрядно скукожившееся к тому времени по своей территории, явно исчерпало возможности сопротивления русскому натиску. Раздел Руси по Днепру в результате мира у Городца, заключённого Ярославом и Мстиславом в 1026 г., принёс «великую тишину в страну», явно включившую, наконец, уже в себя и большую часть северянского Левобережья (вятичи и радимичи, впрочем, сохраняли какую-то автономию вплоть до XII в.). Так что именно возглавивший Левобережье Мстислав нуждался в поддержании и укреплении таких опорных пунктов, княжеских городов на Сейме, каким являлся житийный Курск. Именно с переходом Левобережья под руку Мстислава соблазнительно связать насильственную ликвидацию многих прежних центров этого региона, гибнущих в пожарах начала XI в., — скандинавского военного лагеря в Шестовицах под Черниговом, Шуклинского, Переверзевского II городища на Тускари, Люшинского и Капыстичского на Сейме, как и, по всей видимости, большинства остальных северянских укреплений этого региона. Те роменские городища, что уже раскопаны археологами, демонстрируют гибель в пожаре в результате военного штурма.

Кончина Мстислава датируется источниками неоднозначно. Ипатьевской летописью, Тверским сборником, а также загадочными источниками В.Н. Татищева она датирована более ранним временем, чем предложено летописью Лаврентьевской (1036). А именно — 1034 г. Правда, отдельные летописеведы полагают разницу в хронологии между Лаврентьевской и Ипатьевской летописями результатом хронологического сбоя именно в этой последней. Другие же исследователи (в последнее время — О.В. Творогов, В.Я. Петрухин) находят более исправным текст ПВЛ именно в Ипатьевской летописи. Примечательно, что и в такой, близкой к Лаврентьевской и одной из самых ранних вообще, харатейной летописи, какой была Троицкая, содержится еще одна, промежуточная датировка кончины Мстислава — 1033 г. (Причём именно данное известие сохранилось из этой летописи в её оригинальном виде, будучи процитировано Н.М. Карамзиным ещё до её утраты как целого.)

Близость этих последних дат — 1033–1034 гг. к уточнённой хронологии «Жития Феодосия», а именно, к дате посылки киевским князем его семейства в Курск, побуждает предпочесть их **в качестве условного рубежа появления Курска в письменных источниках**. Разумеется, наиболее корректно было бы избегать тщетных, как видно, попыток устанавливать время первоупоминания Курска с точностью до года, а *относить это событие к 1030-м гг., но к первой их половине*. Подобный интервал можно считать достаточно надёжно обоснованным с помощью разбора двух параллельных источников — летописи и жития.

К счастью для наших современников, выясненная датировка близка к случайно утвердившемуся в сознании курян году — 1032-му, который возник в поздних копиях Киево-Печерского патерика и признан текстологами памятника явной ошибкой.

Рис. 31. С.М. Афонина. Антоний и Феодосий Печерские. 1995 г.

Те церкви, в которых подвизался в Курске и его округе юный Феодосий Печерский, скорее всего, воздвигались там по инициативе Мстислава, отличавшегося повышенным, даже для своих братьев Рюриковичей, христианским благочестием. Будучи тьмутараканским, затем черниговским князем, он строил такие храмы, которые могли бы соперничать с киевскими.

Кончина Мстислава (последовавшая подозрительно скоро после смерти его единственного наследника Евстафия) расчистила Киеву путь к бесконтрольной власти на Левобережье. По определению летописца, Ярослав «стал самовластцем в русской земле». Так завершилось двухвековое соперничество двух сильнейших объединений, разделённых в IX–X вв. Днепром — киевской Руси и северянского Подесенья (с Посеймьем). Превращение Курска из роменского центра в древнерусский город связано с политикой сыновей Владимира Святого — началось, должно быть, при Мстиславе «Лютном», а завершилось при Ярославе «Мудром»¹⁹.

Облик житийного Курска: детство и юность св. Феодосия Печерского

Курск относится к числу старейших городов России. Большинство из них устанавливает свой примерный возраст только с помощью археологических раскопок. Ведь в письменных источниках — летописях, житиях здешних святых, записках иностранных путешественников те или иные населённые пункты упоминаются по случаю, выборочно; как правило, много позже своего основания. В летописном контексте (во включённом туда уникальном «Поучении Владимира Мономаха») сам Курск фигурирует около 1066 г., а Курское княжество с 1095 г. «Житие» Феодосия Печерского на порядок

---

¹⁹ Прозвище «Мудрый» появилось у Ярослава посмертно, только в позднем летописании.

удревляет его возраст — подсчёты историков, включая автора этих строк, дают нам начало 1030-х годов²⁰.

Рис. 32. Стела работы В.М. Клыкова у православной гимназии во имя преп. Феодосия Печерского в Курске (фото Г. Коршунова).

В Несторовом жизнеописании Феодосия подробно, со слов его матери, других людей, лично знавших святого, рассказывается о курском периоде становления личности сооснователя русского монашества. Наряду с некоторыми ходячими мотивами из переводных образцов житийной литературы, это произведение содержит множество явно жизненных, вполне конкретных сведений относительно курских реалий 1030-х – 1040-х гг. — политических, религиозно-идеологических, культурно-бытовых, социально-экономических. На этом фоне ярко вырисовывается начало Курска как древнерусского города и его округи. Писателем выведена целая галерея образов курян того, переломного для всего Посеймья, времени: «властелина» (боярина-посадника?) города и его «мужей» (дружинников-администраторов), «отроков» — «слуг» и воинов; ремесленников и селян, «рабов»-холопов и их хозяев-землевладельцев, учителей грамоты и священнослужителей, паломников из Палестины и других странников; рыночных торговцев и караванных купцов.

Рис. 33. Н.К. Рерих. Заморские гости. 1901 г. Третьяковская галерея.

---

²⁰ См.: Щавелёв С.П. Феодосий Печерский — курянин. Историко-археологические очерки. Курск, 2008.

Просматривается архитектура первоначальной застройки Курска в древнерусский период: «хоромы» «властелина» с домовою церковью при них, располагавшиеся, должно быть, внутри стен курского детинца; многоквартирный дом родителей Феодосия, принадлежавших к знати боярского ранга; общегородская церковь и хозяйственные службы при ней; жилище кузнеца-ремесленника, явно где-то на курском посаде; ещё одна церковь — в «ином городе» поблизости от Курска (на одном из городищ на реках Рати или Тускари); другие «грады» и «села» курской округи, в том числе принадлежащие феодалам из великокняжеской администрации; торные дороги межрегиональной торговли, по которым часто едут тяжело гружёные телеги купеческих караванов; бредут путешественники из дальних стран; т.д.

Многие подробности из этого исторического источника служат основанием для общих выводов и гипотез относительно уклада древнерусской жизни (например, о наличии частновладельческих сёл, передаче земельного пожалования княжескому чиновнику по наследству в его семье, других элементов раннего феодализма на Руси с первой половины XI в.; порядке хлебной торговли; темпах христианизации окраин государства; многом другом).

По сути дела именно с данного Нестором живописного описания перво-Курска и его обитателей начинается многовековая традиция исторического изучения этого региона.

Рис. 34. В.М. Васнецов. Баян. 1910 г. Государственный Русский музей.

Раскопки 1990-х – 2000-х годов, которые велись археологами Курского университета и областного музея археологии в историческом центре Курска, вскрыли культурный слой, включая остатки оборонительных сооружений крепости середины XI в. — времени курской юности Феодосия Печерского. Соответствующие находки способны проверить и дополнить житийную картину юго-восточного пограничья Руси эпохи Ярослава Мудрого и его наследников. Эти находки украшают экспозицию Курского областного музея археологии (ул. Пионеров, д. 6). Все студенческие группы, приходящие заниматься на кафедру философии, совершают в этот музей экскурсию. Сотрудники музея знакомят их яркими фактами начала Курска на страницах отечественной истории.

Рис. 35. Курский государственный областной музей археологии. «Палаты Ромодановских». Дом купца Хлопонина. Конец XVII – начало XVIII в.

Таким образом, мы с коллегами активно участвуем в исполнении Указа Президента нашего государства от 9 января 2012 года о проведении в стране Года истории — «с целью привлечения внимания общества к российской истории и роли Российской Федерации в мировом экономическом процессе».

Источники и литература ²¹

Житие Феодосия Печерского (Пер. *О.В. Творогова*) // Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.

Житие Феодосия Печерского (Пер. *В.В. Кускова*) // Древнерусские предания. М., 1982.

Житие Феодосия Печерского (Пер. *О.В. Творогова*, с испр.) // Библиотека литературы древней Руси. СПб., 1997.

Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II, 2-е изд. М., 2001.

Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. М., 1997.

Начальная летопись / Пер., комм. *С.В. Алексеева*. М., 1999.

Повесть временных лет. 2-е изд. СПб., 2007.

* * *

Буслаев А.И. Имперские юбилеи — тысячелетие России (1862 год) и девятисотлетие крещения Руси (1888 год): организация, символика, восприятие обществом. Автореф. дис. ... канд ист. н. М., 2010.

Ваненко И. Тысячелетие России. СПб., 1862.

Максимов А. Тысячелетие России в стихах. СПб., 1867.

Матвеева С. Памятник «Тысячелетие России». Буклет. Л., 1991.

Смирнов В.Г. Россия в бронзе: памятник «Тысячелетие России» и его герои. Новгород, 1993.

Маслова Е.Н. Памятник «Тысячелетию России». Изд. 2-е. Л., 1977.

Носов Е.Н., Янин В.Л. К 1150-летнему юбилею российской государственности: источники и проблемы // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб. – М. – Великий Новгород, 2011.

Кирпичников А.Н. Исторические данные о 1150-летию создания Русского государства (862–2012 // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб. – М. – Великий Новгород, 2011.

Кушнир И.И. Архитектура Новгорода. Л., 1991.

Смирнов В.Г. Россия в бронзе: памятник «Тысячелетию России» и его герои. Новгород, 1993.

Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. II, М., 2004.

Чумовицкая М. Открытие памятника «Тысячелетие России» в Новгороде // София. 2002. № 2.

* * *

Артамонов М.И. История хазар. 2-е изд. СПб., 2002.

Горский А.А. Русь: от славянского расселения до Московского царства. М., 2004.

Древнейшие государства Восточной Европы. 2005. Рюриковичи и Российская государственность. М., 2008.

Кирпичников А.Н. Сказание о призвании варягов: легенды и действительность // Викинги и славяне. М., 1998.

Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб., 2004.

Клейн Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009.

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985.

---

²¹ Отобранные для этого перечня издания отражают разные концепции становления отечественной государственности. Многие из них противоречат друг другу по ключевым вопросам, но всё же остаются на общей почве источников исторического знания. За пределами списка остались явно фантастические версии начала Руси.

Мавродин В.В. Образование древнерусского государства. 2-е изд. СПб., 2008.

Мельникова Е.А. Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской историографической традиции // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000.

Мельникова Е.А. Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях древнерусских летописцев XI – начала XII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005. М., 2008.

Мельникова Е.А. Варяги на севере и на юге Восточной Европы: региональные особенности // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева / Сост. *Е.А. Мусин*. М., 2009.

Михайлова И.Б. Малые города Южной Руси в VIII – начале XIII века. СПб., 2010.

Назаренко А.Н. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001.

Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб., 2005.

Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. М. – Смоленск, 1995.

Петрухин В.Я. Призвание варягов: историко-археологический контекст // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005. М., 2008.

Петрухин В.Я. «Русь и вси языци». Аспекты исторических взаимосвязей. Историко-археологические очерки. М., 2011.

Пчелов Е.В. Рюрик. М., 2010 («Жизнь замечательных людей»; вып. 1277).

Роэсдаль Э. Мир викингов. Викинги дома и за рубежом / Пер. с дат. СПб., 2001.

Славяне и скандинавы. М., 1986.

Толочко П.П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев, 1987.

Франклин С., Шепард Д. Начало Руси: 750–1200 / Пер. с англ. СПб., 2009.

Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.

Фроянов И.Я. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // Вопросы истории. 1991. № 6.

Хлезов А.А. Норманнская проблема в отечественной исторической науке. СПб., 1997.

Шахматов А.А. Сказание о призвании варягов. СПб., 1904.

Щавелёв А.С., Щавелёв С.П. Чёрная могила // Вопросы истории. 2001. № 2.

Щукин М.Б. Рождение славян. Интернет-ресурс.

* * *

Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. Курск, 2005 (Курский край: научно-популярная серия в 20 т., т. III).

Зорин А.В., Раздорский А.И., Щавелёв С.П. Курск. История города от Средневековья к Новому времени: X–XVII века. Курск, изд-во «Учитель», 1999. («Курский край». Т. IV).

Зорин А.В., др. Очерки истории Курского края (с древнейших времён до XVII в.). Курск, 2007.

Моргунов Ю.Ю., Щавелёв С.П. «Курескъ на Тускоре»: к вопросу о происхождении летописного города // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 2. Славянский средневековый город. М., 1997.

Страницы истории города Курска. Важнейшие события и даты с древнейших времён до наших дней. Воронеж, 1981.

Щавелёв А.С., Щавелёв С.П. Камерные ингумации Гочева: юго-восточная реплика варяго-русского погребального обряда // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст. Матеріали Міжнародного польового археологічного семінару (Чернігів — Шестовиця 17–20 липня 2003 р.). Чернігів, 2003.

Щавелёв А.С. Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007.

Щавелёв С.П. Северяне «Повести временных лет» и формирование древнерусской народности // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Вып. 1. Брянск, 2000.

Щавелёв С.П. Курск на Ловати и Курск на Тускари: историко-археологический комментарий к топонимическому дубликату // Топонимия и диалектная лексика Новгородской земли. Материалы Международной научной конференции «Историческая топонимика Великого Новгорода и Новгородской земли» 13–15 ноября 2001 г. Великий Новгород, 2001.

Щавелёв С.П. Сеймский путь (в системе международных коммуникаций Восточной Европы рубежа I и II тысячелетий н. э.) // Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника. М., 2001 (Труды Государственного Исторического музея. Вып. 124).

Щавелёв С.П. Общее и особенное при освоении Русью Курского Посеймья // Русский сборник. Сб. научных трудов, посвящённый 25-летию исторического факультета Брянского гос. университета имени академика И.Г. Петровского. Брянск, 2002.

Щавелёв С.П. Клады арабского серебра в Курском Посеймье // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г. СПб., 2002.

Щавелёв С.П. Славянская дань Хазарии: новые материалы к интерпретации // Вопросы истории. 2003. № 10.

Щавелёв С.П. Летописное сказание о Кие и его родичах как «устная история» политогенеза у восточных славян // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Вып. 5. Брянск, 2003.

Щавелёв С.П. Лунница и крест: христианизация Юго-Востока Руси (По материалам Курского Посеймья) // Днепро-донское междуречье в эпоху раннего средневековья. Сб. статей. Воронеж, 2005.

Щавелёв С.П. Мстислав Лютый — основатель житийно-летописного города Курска (к вопросу о славянских, варяжских, касожских участниках строительства Древнерусской державы) // Русь на перехресті світів (Міжнародні впливи на формування давньоруської держави) IX–XI ст. Матеріали Міжнародного польового археологічного семінару (Чернігів – Шестовиця, 20–23 липня 2006 г.). Чернігів, 2006.

Щавелёв С.П. Имена городов с формантом «-ск» как топонимический источник политической истории Древней Руси // Русский сборник (Труды кафедры отечественной истории древности и средневековья Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. Вып. 2–3). Брянск, 2006.

Щавелёв С.П. Мера этничности летописных северян по археологическим данным // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения В.П. Левенка (13–16 ноября 2006 г.). Липецк, 2006.

Щавелёв С.П. К вопросу о церковном строительстве Мстислава Владимировича на Днепровском Левобережье (Знаменский храм в Курске 1020-х гг.) // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Зб. наукових праць, присвячених 1100-літтю першої літописної згадки про Чернігів. Чернігів, 2007.

Щавелёв С.П. Феодосий Печерский — курянин. Историко-археологические очерки. Курск, 2008. 280 с., илл.

Щавелёв С.П. Первые иконы Курского края // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб. – М. – Великий Новгород, 2011.